

КЛИФФОРД
САЙМАК

БРАТСТВО
ТАЛИСМАНА

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445
С 14

Clifford D. Simak
ENCHANTED PILGRIMAGE
Copyright © 1975 by Clifford D. Simak
THE FELLOWSHIP OF THE TALISMAN
Copyright © 1978 by Clifford D. Simak
SHAKESPEARE'S PLANET
Copyright © 1976 by Clifford D. Simak
CEMETERY WORLD
Copyright © 1973 by Clifford D. Simak
DESTINY DOLL
Copyright © 1972 by Clifford D. Simak
All rights reserved

Перевод с английского
Олега Битова, Кирилла Королева, Илоны Русаковой

Серийное оформление и оформление обложки
Сергея Шикина

Саймак К.

С 14 Братство талисмана : романы / Клиффорд Саймак; пер. с англ.
О. Битова, К. Королева, И. Русаковой. — СПб. : Азбука, Азбука-
Аттикус, 2021. — 832 с.

ISBN 978-5-389-18400-8

Клиффорд Дональд Саймак — один из «крестных детей» знаменитого Джона Кэмпбелла, редактора журнала «Astounding Science Fiction», где зазвездились многие звезды «золотого века научной фантастики». В начале литературной карьеры Саймак писал «твердые» научно-фантастические и приключенческие произведения, а также вестерны, но затем раздвинул границы жанра НФ и создал свой собственный стиль, который критики называли мягким, гуманистическим и даже пасторальным, сравнивая прозу Саймака с прозой Рэя Бредбери. За пятьдесят пять лет Саймак написал около тридцати романов и более ста двадцати повестей и рассказов. Награждался премиями «Хьюго», «Небьюла», «Локус» и другими. Удостоен звания «Грандмастер премии „Небьюла“».

Собранные в этом томе романы о жизни и ее чудесах, о древних загадках и сказочных мирах, о таинственных народах и магических манускриптах, о невероятных приключениях необыкновенных героев — дань Мастеру жанру фэнтези.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

© О. Г. Битов (наследник), перевод, 2021
© К. М. Королев, перевод, 2021
© И. Б. Русакова, перевод, 2021
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“, 2021
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-18400-8

**Паломничество
в волшебство**

ГЛАВА 1

Чердачный гоблин наблюдал исподтишка за монахом, а тот не сводил глаз с книжника, который, не подозревая, что за ним следят, пытался извлечь из-за корешка старинного фолианта какой-то свиток. Гоблин ненавидел монаха и, надо сказать, имел к тому достаточно оснований. Монах же не испытывал ни к кому на свете ни ненависти, ни любви; он отличался завистливостью и склонностью к фанатизму. Поскольку час был поздний, помещение библиотеки пустовало. В нем царил тишина, лишь скреблась где-то в укромном уголке мышь. На столе, за которым сидел книжник, догорала свеча.

Книжник сунул манускрипт за пазуху, поднялся, поставил фолиант обратно на полку и затушил двумя пальцами свечку. Бледный лунный свет, проникавший внутрь сквозь высокие, от пола и чуть ли не до стропил, окна, замерцал на переплетах многочисленных томов. Книжник осторожно двинулся к выходу. Монах постарался поглубже спрятаться в тень и не сделал ни малейшей попытки остановить книжника. Исполненный ненависти к монаху гоблин озадаченно почесал затылок.

ГЛАВА 2

Когда в дверь постучали, Марк Корнуолл ел хлеб с сыром. В маленькой комнате было холодно; в очаге потрескивали дрова, но тепла от них исходило всего ничего. Корнуолл встал, стряхнул с куртки крошки сыра и открыл дверь. На пороге стояло весьма странное существо — крошечное, не более трех футов ростом, худое и сморщенное. Из-под поношенных кожаных брюк виднелись босые, густо заросшие шерстью ноги. Наряд существа дополняли старенькая рубашка из алого бархата и остроконечный колпак.

— Чердачный гоблин, — представилось существо. — Могу ли я войти?

— Разумеется, — ответил Корнуолл. — Я слышал о тебе, но, признаться, всегда считал тебя выдумкой.

Гоблин переступил порог и тут же устремился к очагу. Присев перед ним на корточки, он протянул ладони к огню.

— Это почему же? — справился он. — Тебе ведь известно, что на свете существуют гоблины, эльфы и другие члены Братства. Почему же ты не верил в меня?

— Может, потому, что никогда не видел, — отозвался Корнуолл. — По-моему, ты до сих пор вообще никому не попадался на глаза. Так что, сам понимаешь...

— Я прятался, — заявил гоблин, — скрывался у себя на чердаке, благо там до меня не так-то просто добраться. Дело в том, что некоторые ваши монахи ведут себя, ну, что ли, неразумно. Они начисто лишены чувства юмора.

— Сырку не хочешь? — предложил Корнуолл.

— Что за глупый вопрос? Конечно хочу!

Гоблин отодвинулся от очага, огляделся и взобрался на деревянную скамью, что стояла у стола.

— Сдается мне, — заметил он, — жизнь у тебя не из легких. Обстановочка, прямо скажем, бедноватая.

— Какая есть. — Корнуолл вынул из висевших на поясе ножен кинжал, отрезал кусок сыра и ломоть хлеба и вручил угощение гоблину.

— И пропитание скудноватое, — продолжал тот.

— Увы. Однако я полагаю, ты явился не за сыром?

— Нет, — сказал гоблин. — Я видел тебя сегодня вечером. Видел, как ты украл манускрипт.

— И что? — поинтересовался Корнуолл. — Он тебе нужен?

— Ни капельки, — проговорил гоблин, вгрызаясь в сыр. — Я всего лишь хотел сообщить тебе, что видел не только я, а еще и монах по имени Освальд.

— Раз так, почему же он меня не остановил? Почему позволил уйти?

— У меня такое впечатление, что твоя совесть совершенно спокойна. Ты даже не пытаешься отрицать своей вины.

— Ты же видел меня, — произнес Корнуолл. — Видел, но вмешаться не стал. Значит, у тебя имелись свои соображения.

— Может быть, — согласился гоблин. — Сколько лет ты здесь проучился?

— Почти шесть.

— То есть ты уже не студент, а ученый. Книжник.

— Разница небольшая.

— Возможно. Тем не менее ты вышел из того возраста, когда люди занимаются всяким озорством.

— Наверно. Но что-то я никак не пойму, куда ты клонишь...

— Я клоню к тому, что Освальд видел тебя и все же позволил тебе уйти. Может, он знал, что именно ты крадешь?

— Вряд ли. Я и сам не подозревал о существовании манускрипта, пока не наткнулся на него. Просто, когда книга очутилась у меня в руках, мне показалось, что переплет выглядит как-то странно. Изпод него словно что-то выпирало, как будто между кожей и основой находился посторонний предмет.

— Если он был таким заметным, почему же никто не обнаружил его раньше? — спросил гоблин. — Кстати, как насчет добавки?

Корнуолл отрезал еще сыру.

— Я думаю, ничего тут сложного нет. Должно быть, мне единственному на протяжении целого столетия взбрело в голову снять с полки этот том.

— Что ж, вполне вероятно, — признал гоблин. — А о чем говорилось в той, которую ты листал?

— Рассказ древнего путника, записанный в незапамятные времена каким-то монахом, который, надо отдать ему должное, сделал из книги произведение искусства: красочные инициалы, причудливые узоры на полях. А содержание — так, набор побасенок.

— Тогда зачем она тебе понадобилась?

— Порой из груди лжи проклевывается вдруг росток истины. Я искал упоминание о том, что меня интересовало.

— И нашел?

— Да, но не в книге, а в манускрипте. Мне думается, рассказ в книге записан со слов самого путешественника. Я вовсе не уверен, что подобное нагромождение небылиц могло удостоиться чести быть скопированным хотя бы пару раз. А монах молодец — такой работой можно и нужно гордиться.

— Ты говорил про манускрипт.

— Вообще-то, манускриптом его назвать трудно, ибо он состоит всего-навсего из одного листка. Все то же повествование, но с подробностями, которые монах-переписчик почему-то опустил.

— Ты полагаешь, что его в конце концов замучила совесть и он пошел с ней на сделку, сунув листок за переплет?

— Может быть, — отозвался Корнуолл. — Но мы немного отвлеклись. Так зачем ты пришел?

— Монах, — сказал гоблин, — ты не знаешь этого Освальда, а я знаю. Из всей их братии он самый опасный. Для него нет ничего

святого, он готов шпионить за кем угодно. Ты, наверно, уже сообразил, что он намеренно выпустил тебя из библиотеки и не стал поднимать шум.

— Похоже, мое поведение тебя ничуть не возмущает, — хмыкнул Корнуолл.

— Ты прав. Скорее я на твоей стороне. Этот треклятый монах столько лет отравлял мне жизнь, все норовил поймать меня, загнать то в одну, то в другую ловушку. Я, разумеется, не давал ему спуска, оплачивал всякий раз, когда он проворачивал очередную гнусность, однако он не отступался. Так что, как ты, вероятно, уже догадался, я питаю к нему отнюдь не добрые чувства.

— Ты думаешь, он выдаст меня?

— Насколько я его знаю, — ответил гоблин, — он попытается продать свои сведения.

— Кому? Кому они нужны?

— Начнем с того, — сказал гоблин, — что похищенный тобой манускрипт был спрятан за переплетом старинной книги. То, что его позаботились спрятать — и похитить, — наводит на размышления, не правда ли?

— Пожалуй.

— Как в городе, так и в самом университете, — продолжал гоблин, — найдется немало беспринципных искателей приключений, которые наверняка заинтересуются рассказом монаха.

— По-твоему, манускрипт могут утащить?

— Разумеется. А вместе с ним в опасности и твоя жизнь.

Корнуолл вновь угостил гоблина сыром.

— Благодарю, — сказал тот. — А нельзя ли получить еще хлеба?

— Ты оказал мне услугу, — проговорил Корнуолл, выполнив его просьбу, — и я тебе весьма признателен. Но скажи, какого исхода ты ожидаешь?

— А разве не ясно? — удивился гоблин. — Я хочу, чтобы этот противный монах сел в лужу и как следует извозился в грязи. — Он положил хлеб с сыром на стол, сунул руку за пазуху и извлек оттуда несколько листов пергамента, которые расстелил на столе. — Сдается мне, сэр книжник, ты умеешь обращаться с пером.

— Во всяком случае, писать я пишу, — ответил Корнуолл.

— Ну и хорошо. Вот старый пергамент, с которого стерли весь прежний текст. Я предлагаю тебе переписать твой листок и возвратить его на место.

— Но я не...

— Перепиши его, — перебил гоблин, — но не целиком, а с изменениями, маленькими, незаметными, которые собьют ищек со следа.

— Это просто, — сказал Корнуолл, — но свежие чернила выдадут подделку, и потом, мне не под силу скопировать в точности почерк. Обязательно проявятся различия, которые...

— Да кто сумеет их установить? Манускрипт видел только ты, поэтому за почерк можно не беспокоиться. Пергамент достаточно древний, а что касается стертого текста, то в старину такие вещи подделывали довольно часто.

— Не знаю, не знаю, — пробормотал Корнуолл.

— Чтобы отличить оригинал от подделки, нужен глаз книжника — а с чего ты взял, что твое творчество попадет в руки кому-нибудь из них? К тому же тебя все равно здесь не будет...

— Не будет?

— Конечно. Или ты полагаешь, что можешь оставаться тут после всего, что случилось?

— Наверно, ты прав. Честно говоря, я и сам подумывал уйти.

— Надеюсь, то, что написано в манускрипте, не окажется пустой выдумкой. Но даже если...

— По-моему, не окажется, — заявил Корнуолл.

Гоблин соскользнул со скамьи и направился к двери.

— Постой, — окликнул его Корнуолл. — Ты не назвал мне своего имени. Мы еще увидимся?

— Меня зовут Оливер, — по крайней мере, так я представляюсь людям. А насчет того, чтобы увидеться... Вряд ли. Хотя... Сколько тебе понадобится времени, чтобы изготовить подделку?

— Немного.

— Тогда я подожду. Мои возможности невелики, но кое в чем я смогу тебе помочь. Я знаю заклинание, которое обесцвечивает чернила и придает пергаменту, если его правильно сложить, весьма древний вид.

— Я сяду за работу прямо сейчас, — сказал Корнуолл. — Ты не стал спрашивать меня, что же там такое написано, и большое тебе за это спасибо.

— Так ты же прочтешь мне, — заявил гоблин.

ГЛАВА 3

Лоуренс Бекетт засиделся со своими людьми допоздна. Все они усердно накачивались вином. Есть никому уже не хотелось, хотя на огромном, сплошь покрытом щербинами столе по-прежнему стояло

блюдо с наполовину обглоданной бараньей ногой, а рядом лежало полбуханки хлеба. Горожане, которые заглянули в таверну, чтобы скоротать вечерок, давно разошлись по домам; хозяин отослал слуг спать, а сам остался за стойкой. Его клонило ко сну, он то и дело зевал, но вовсе не сердился на загулявших посетителей, ибо те проявляли столь редкую для «Головы вепря» щедрость. От студентов, которые порой заходили в таверну, было больше шуму, чем прибыли, а горожане, как правило, не давали себе воли; к тому же «Голова вепря» располагалась на одной из многочисленных боковых улочек, поэтому торговцы вроде Лоуренса Бекетта были в ней нечастыми, но всегда желанными гостями.

Дверь распахнулась, и в залу вошел монах. Он постоял, привыкая к царившему внутри полумраку, потом огляделся по сторонам. Хозяин за стойкой весь подобрался. Чутье подсказало ему, что появление этого посетителя сулит мало хорошего. Помимо всего прочего, святые отцы вообще не баловали таверну своим вниманием. Монах выждал мгновение-другое, похоже, справился с сомнениями, подобрал рясу, чтобы не волочилась по полу сего прибежища скверны, и направился в тот угол, где сидел за столом Лоуренс Бекетт. Подойдя поближе, он остановился и посмотрел Бекетту прямо в глаза. Тот ответил ему вопросительным взглядом. Монах промолчал.

— Элберт, — позвал Бекетт, — налей-ка этой ночной пташке вина. Когда еще придется чокнуться с человеком, который носит рясу?

Элберт наполнил стакан и, повернувшись на стуле, протянул его монаху.

— Мастер Бекетт, — сказал монах, — мне надо поговорить с вами наедине.

— Ну конечно, — Бекетт растянул губы в улыбке, — конечно. Но наедине не получится. Мои люди со мной заодно, и то, что предназначено услышать мне, годится и для их ушей. Элберт, подай нашему гостю стул.

— Нет, — возразил монах, — только наедине.

— Ладно. Давайте, ребята, пересаживайтесь за другой стол. Если хотите, можете прихватить с собой свечу.

— Мне кажется, вы смеетесь надо мной, — заметил монах.

— Ну да, — согласился Бекетт. — А что, нельзя?

Монах сел на стул рядом с Бекеттом, осторожно поставил на стол стакан с вином и стал наблюдать, как перебираются в другой угол спутники торговца.

— И какую же тайну ты хочешь мне открыть? — справился Бекетт.

— Прежде всего, я знаю, кто вы такой на самом деле. Знаю, что вы никакой не торговец.

Бекетт молча разглядывал его.

— Я знаю, — продолжал монах, — что вы пользуетесь влиянием среди служителей церкви. В благодарность за услугу, которую я вам окажу, будьте добры, замолвите за меня перед ними словечко. Ведь вам это ничего не стоит.

— Что за услуга? — спросил Бекетт, сразу посерьезнев.

— Речь идет о манускрипте, украденном из университетской библиотеки всего лишь час назад.

— Ну и что?

— Он был спрятан в старинной и мало кому известной книге.

— Ты знал о нем? Знал, что там написано?

— Я видел, как вор доставал его из книги. А что там написано, я могу только догадываться.

— Что за книга?

— Очень древняя. Ее написал некий Тэйлор, который странствовал по Пустынному Краю.

— Я слышал про Тэйлора и про находки, которые он якобы сделал. — Бекетт нахмурился. — Надо же, его книга.

— Редкая вещь. Ее скопировали всего лишь однажды, и в нашей библиотеке как раз копия.

— Ты читал ее, сэр монах?

— До сих пор она не представляла для меня интереса, — проговорил монах, пожимая плечами. — Мне и без нее хватает что читать. К тому же рассказам путешественников не стоит особенно доверять.

— Как по-твоему, чем ценен манускрипт?

— Наверно, чем-то он ценен, коль его так хитроумно спрятали. Иначе зачем было запикивать его под переплет?

— Интересно, — пробормотал Бекетт, — очень интересно. Однако загвоздка в содержании.

— Если в нем не будет ничего важного, значит вы ничем мне не обязаны. Но я готов поспорить, что это не так.

— Играем по-честному?

— Да, — согласился монах, — по-честному. Манускрипт украл книжник по имени Марк Корнуолл. Он живет на чердаке в меблированных комнатах на углу Королевской улицы и улицы Плотников.

— Кто он такой? — спросил Бекетт.

— Не слишком приятный человек, явился сюда откуда-то с запада. Был прилежным студентом, разве что чересчур мрачным. Друзей у него нет. Перебивается с хлеба на воду. Все его сокурсники разошлись, а он остался. Мне думается, потому, что хочет больше узнать о Древних.

— Что значит «больше»?

— Он считает, что они до сих пор живы. Изучил их язык — то, что именуется у нас их языком. В библиотеке хранятся учебники, и он все их проштудировал.

— А зачем ему Древние?

— Не знаю. — Монах покачал головой. — Мы с ним не знакомы, так, разговаривали пару раз. Наверно, любопытство ученого. Или что-то еще.

— Быть может, он полагает, что Тэйлор мог писать про Древних?

— Возможно. Все возможно. Я не читал той книги.

— Итак, манускрипт у Корнуолла. Наверняка он его припрятал.

— Вряд ли. Во всяком случае, недалеко. У него нет причин опасаться за свое сокровище. Он уверен, что его никто не видел. Я позволил ему уйти, так что он и не подозревает, что его уличили в краже.

— А не кажется ли тебе, сэр монах, что этот наш ученый и ловкий приятель чем-то смахивает на еретика?

— То решать не мне, а вам, мастер Бекетт. На мой взгляд, еретики окружают нас со всех сторон, но, чтобы изловить их, нужен острый, пронизательный ум.

— Ты сказал, что еретики повсюду, или мне послышалось?

— Вам послышалось.

— Хорошо, — заметил Бекетт, — а то и университет, вернее, его библиотека может подпасть под подозрение из-за книг, которые стоят на ее полках.

— Уверяю вас, книги не опасны. Мы используем их против еретиков.

— Хорошо, — повторил Бекетт, — твоего слова мне достаточно. Что же касается остального... Ты сумеешь добыть манускрипт и передать его нам?

— Мне страшно, — пробормотал монах с дрожью в голосе. — Я известил вас, а дальше уже не мое дело.

— А чье? Мое?

— Мне так показалось. Поэтому я к вам и пришел.

— Откуда ты узнал о том, что мы в городе?

— У стен есть уши. Мало что проходит незамеченным.

— А ты, надо полагать, ловишь каждое словечко?

— Привычка, — признался монах.

— Что ж, — сказал Бекетт, — договорились. Если пропажа найдется и окажется сколько-нибудь ценной, я позабочусь о тебе. Хорошо?

Монах кивнул.

— Чтобы сделать это, мне нужно знать, как тебя зовут.

— Брат Освальд.

— Я запомню твое имя, — произнес Бекетт. — Допивай вино, а мне пора. Ты сказал, на углу Королевской и Плотников?

Монах кивнул и потянулся за стаканом. Бекетт подошел к своим людям, переговорил с ними, потом вернулся обратно.

— Ты не пожалеешь, что доверился мне, — заявил он.

— Я надеялся на вас, — отозвался брат Освальд. Он опорожнил стакан и поставил его на стол. — Мы еще встретимся?

— Нет, если только ты не разыщешь меня снова.

Монах подобрал рясу и направился к двери. На улице было темно: луна спряталась за крыши соседних домов. Монах ступил на мостовую и осторожно двинулся вперед. Внезапно в дверном проеме за его спиной блеснуло лезвие ножа. Монах рухнул навзничь. Пальцы его цеплялись за камни мостовой, из горла хлестала кровь. Потом он затих.

Тело нашли утром, когда встало солнце.

ГЛАВА 4

Болотный Джиб поднялся еще до рассвета. Он всегда вставал рано; к тому же сегодня предстояло многое сделать. Ведь именно к сегодняшнему дню гномы обещали изготовить новый топор, который был ему ох как необходим, ибо лезвие старого затупилось настолько, что его, как ни старайся, уже невозможно было наточить. Обычно утренники в эту пору года выдавались туманными, но сегодня лишь несколько ключев тумана висело над островком, на котором обитатели болота добывали лес. На восток и на юг болото — то бурое, то серебристое, заросшее камышом и травой, — тянулось до самого горизонта. В чистых заводях плескались утки, мимо Джиба проплыла, оставляя за собой расходящийся след на воде, ондатра; где-то в отдалении подала голос цапля. С запада и севера болото ограничивали холмы, на которых росли дубы, клены, гикори и другие деревья. Некоторых из них уже коснулись первые краски осени.

Джиб поглядел в сторону холмов. Там, в лесном краю, жил его добрый друг, Хэл из Дерева-с-дуплом. Каждое утро, если, конечно, на болото не напал туман, Джиб выходил из дома, поворачивался лицом к холмам и, напрягая зрение, пытался разглядеть дерево Хэла, но на таком расстоянии все деревья казались одинаковыми. Жаль, но сегодня заглянуть к Хэлу не удастся: после того как он заберет топор, нужно будет навестить старого отшельника, который укрылся

от мира в пещере среди холмов. Последний раз они со стариком делились месяц с лишним тому назад. Джиб скатал шерстяное одеяло и вместе с набитой гусиным пухом подушкой сунул его в хижину, что стояла посреди плота. Если позволяла погода, то есть если не было холодно или не шел дождь, он предпочитал спать на свежем воздухе. На носовой части плота лежала железная пластина, и на ней Джиб развел огонь: он чиркнул кресалом, и искра воспламенила пучок сена и трут.

Когда костер разгорелся, Джиб пошарил рукой в садке, что покачивался, привязанный к бревнам, на воде рядом с плотом, извлек оттуда рыбину, прикончил ее одним ударом ножа, быстро очистил и нарезал на куски, которые бросил на сковородку, стоявшую над огнем на специальной подставке.

Царившую на болоте тишину нарушало только негромкое кряканье уток; порой слышался короткий всплеск — то выпрыгивала из воды какая-нибудь рыба. «По утрам, — подумалось Джибу, — здесь всегда так тихо. Зато потом в камышах примутся браниться дрозды, зашелестят над головой крылья водоплавающих птиц, раскричатся горластые чайки...» Небо на востоке посветлело, и стали видны прежде неразличимые детали пейзажа. Вдалеке проступила из мрака рощица ив, росшая по гребню возвышенности, что отделяла болото от реки. Пара рогозов у берега подрагивала на ветру, покачивая бурыми головками.

Джиб поел прямо со сковороды. По воде побежала рябь. «Интересно, — подумал он, — каково это — жить на твердой земле, которая неподвижна в любое время года?» Сам он, сколько себя помнил, всегда жил на плоту, а тот замирал в неподвижности лишь тогда, когда болото одевалось льдом. Кстати, о холодах: пора готовиться к зиме. Надо будет накопить побольше рыбы, запастись корнями и травами, изловить несколько ондатр и сшить из шкур шубу и, конечно, нарубить дров. И тут ему никак не обойтись без нового топора.

Он сполоснул сковороду, потом уложил в лодку узелки, которые увязал накануне вечером. В них были сушеная рыба и дикий рис — дары для гномов и для отшельника. Поразмыслив, он прихватил с собой и старый топор: металл пригодится гномам в любом случае. Перебравшись в лодку, Джиб взял весло и двинулся в путь. Греб он медленно и осторожно, ибо хотел подольше насладиться утренним покоем. Солнце поднялось над холмами, и в его лучах засверкали первые краски приближающейся осени.

У самого берега Джиб заметил плот, уткнувшийся носом в прибрежные камыши. На его корме сидел, чиня сеть, старый болотник.

Увидев Джиба, он приветственно махнул рукой. Джиб узнал старика Друда и удивился: что он тут делает? Ведь говорили, что Друд обосновался на берегу под ивами. Джиб причалил к плоту и зацепился за него веслом.

— Давненько не виделись, — сказал он. — Когда ты перебрался сюда?

— На днях, — ответил Друд. Он бросил сеть, подошел к краю плота и присел на корточки рядом с лодкой. «А он стареет», — подумал Джиб. Друда всегда называли стариком, даже в зрелом возрасте, но теперь прозвище, похоже, соответствовало наружности: Друд поседел. — Решил вот пособирать дровишек. У нас там одни ивы, а они, ты знаешь, горят не очень.

Из хижины показалась матушка Друд.

— Значит, мне не померещилось, — проговорила она высоким, визгливым голосом. — Сдается мне, к нам пожаловал молодой Джиб. — Зрение у нее было слабое, и, рассматривая гостя, она сильно шурилась.

— Здравствуйте, матушка Друд, — сказал Джиб. — Я рад, что мои соседи — вы.

— Ну, мы вряд ли задержимся, — сообщил Друд. — Нам бы только дровишек набрать.

— Но запас-то у вас есть?

— Веточка-другая, может, и заваялась. Тяжело, помогать некому, детишки все сами по себе. А я уже не тот, что раньше.

— Да и страшно, — прибавила матушка Друд. — Говорят, тут полно волков.

— А топор на что? — спросил Друд. — Ни один волк и близко не подойдет, пока у меня в руках топор.

— Выходит, вы вдвоем, — сказал Джиб. — А где же Элис с Дейвом?

— Элис вышла замуж три или четыре месяца назад, — ответил Друд. — За паренька с южной оконечности болота. А Дейв построил свой плот. Он у нас с руками, обошелся и без моей помощи. Плот у него получился просто отличный. Он уплыл на восток. Нет, они с Элис нас не забывают, навещают иногда, но...

— Эля хочешь? — спросила матушка Друд. — Да, а может, ты не завтракал?

— Спасибо, матушка Друд, я завтракал, но вот от кружечки эля не откажусь.

— И мне тоже, — вмешался Друд. — Негоже Джибу пить одному. Матушка Друд заковыляла обратно в хижину.

— Такие дела, — проговорил Друд. — Дрова достаются нелегко, но я худо-бедно справляюсь. А лес тут хороший, сплошь дубы да клены, и все сухие, хоть бери да сразу в огонь. Да, сушняк навалом. Порой, правда, останавливаются на ночевку путники, но что они там сожгут — всего ничего, так что это ерунда. А на холме, чуток подальше, валяется гикори. Древесина, скажу я тебе, первый сорт. Такая нечасто попадает. Жаль, идти далеко...

— Сегодня я занят, — сказал Джиб, — но завтра и послезавтра я могу вам помочь.

— Не стоит, Джиб. Сам справлюсь.

— Зачем надрываться? И потом, гикори мне тоже не помешает.

— Ладно, уговорил. Спасибо тебе большущее.

— Не за что.

— Я и себе плеснула, — заявила матушка Друд, вернувшись с тремя кружками эля. — Все-таки гостей мы принимаем редко. С вашего разрешения, я присяду.

— Джиб поможет мне завтра, — сказал Друд. — Мы с ним пойдем за гикори.

— Хорошее дерево, — одобрила матушка Друд.

— Мне должны сделать новый топор, — сказал Джиб. — Старый совсем никуда не годится. Его мне еще отец подарил.

— Твои, я слышала, живут у Лощины Енота, — проговорила матушка Друд.

— Да, они там уже давно, — кивнул Джиб. — Неплохое местечко: деревья, рыбалка, без счета ондатр, заводь, в которой растет дикий рис. Я думаю, переселяться им не захочется.

— А топор тебе делают гномы? — спросил Друд.

— Они самые. Долго возьмется. Я говорил с ними еще прошлым летом.

— Умельцы они на диво, — заметил Друд рассудительно. — А металл у них просто загляденье. И то сказать, жила-то вон какая богатая. Торговцы покупают у них все без разбора. Знаешь, про гномов каких только слухов не ходит, в чем только их не обвиняют, но с нашими гномами нам повезло. Не представляю, как бы мы обходились без них. Сколько раз они нас выручали.

— Чего ж соседям не ужиться, — обронила матушка Друд, — коль они не держат зла друг на друга.

— Гномы не наши родичи, матушка, — напомнил ей Друд.

— Ну и что? — сказала она. — Они живые существа и не так уж сильно отличаются от нас. Во всяком случае, гораздо меньше, чем мы — от людей. Конечно, не то что Народ Холмов, но все же...

— Главное то, — заявил Друд, — что мы все как-то уживаемся друг с другом. Взять хотя бы нас с людьми. Они вдвое выше нас, у них гладкая кожа, а у нас мех, они умеют писать, а мы нет. Они покупают вещи за деньги, а мы обмениваем одно на другое. У людей много такого, чего нет у нас, но мы не завидуем им, а они не презирают нас. В общем, пока мы уживаемся, все в порядке.

— Мне пора, — сказал Джиб, допивая эль. — До гномов дорога длинная, а мне надо навестить отшельника.

— Я слышал, ему приходится тяжело, — проговорил Друд. — Стареет, ничего не поделаешь. Сдается мне, он почти такой же старый, как холмы.

— Ты заглянешь к отшельнику? — переспросила матушка Друд.

— А то ты не слышала, — буркнул Друд.

— Подожди минутку. Я хочу кое-что ему передать. Пошлю ему дикого меда. Мне подарил его Народ Холмов.

— Он обрадуется, — сказал Джиб.

Матушка Друд исчезла в хижине.

— Я вот все думаю, — произнес Друд, — чем он живет? Сидит себе на холме над своей пещерой, никуда не ходит, ничего не делает.

— Его навещают, — отозвался Джиб. — Он раздает лекарства — от живота, от горла, от зубов. Но некоторые идут к нему не за лекарствами, а чтобы поговорить.

— Да, пожалуй, гостей у него хватает.

Матушка Друд возвратилась со свертком и вручила его Джибу.

— Ждем тебя к ужину, — сказала она. — Не беда, если припозднишься, чем-нибудь я тебя все равно накормлю.

— Спасибо, матушка Друд, — поблагодарил Джиб.

Он оттолкнулся от плота и направил лодку по протоке. Из камышей стаями вспархивали дрозды; они кружили у него над головой, неумолчно переругиваясь между собой.

От кромки воды берег круто уходил вверх. На краю болота росли огромные деревья, простиравшие ветви над трясиной. Один дуб-великан стоял так близко к воде, что его корни, с которых со временем смыло всю землю, торчали из земли словно растопыренные пальцы. Джиб привязал лодку к одному из корней, перекидал на сушу узелки и топор и выбрался сам. Закинув узелки за спину и подобрав топор, он двинулся по еле заметной тропинке, которая уходила в лощину между двумя холмами. Вскоре тропинка сделалась более утоптанной: здесь ходили торговцы, которые направлялись к пещерам гномов.

Над болотом по-прежнему носились с криками дрозды, но чем глубже Джиб забирался в лес, тем тише становилось вокруг. Шелестела на ветру листва, да слышался порой глухой стук — то ударился

о землю упавший желудь. Раньше поутру на ветвях цокали белки, но сейчас они приумолкли и лишь сновали по стволам едва различимыми тенями, добывая себе пищу.

Подъем был достаточно крутым. Джиб остановился, чтобы перевести дух, и привалился к замшелому валуну. Лес ему не нравился. Он покинул болото несколько минут назад, но уже начал по нему скучать. Лес был мрачным и таинственным, в нем легко заплутаться, тогда как на болоте всегда можно определить, где ты находишься. Нет, лес ему был не по душе.

ГЛАВА 5

— Так ты пришел за топором? — спросил гном Плакси.

— Если он готов.

— Разумеется, готов, — буркнул Плакси. — Мы доделали его еще вчера. Однако сядь посиди. Сюда не так-то легко забраться, даже тому, кто молод.

Ниже зева пещеры на склоне холма громоздилась куча земли и шлака. Она наполовину погребла под собой глубокий овраг. Вдоль нее бежала укатанная дорожка, что обрывалась у рудникового отвала. Куча была настолько древней, что сквозь нее проросли и достигли весьма приличной высоты деревья; некоторые из них нависали над оврагом под самыми невообразимыми углами. В глубине пещеры, которая достигала сердца холма, метались блики пламени. Оттуда доносился грохот кузнечных молотов.

Плакси провел Джиба в боковое ответвление пещеры, уходившей к руднику.

— Здесь, — сказал он, — мы сможем спокойно поговорить, и шум не будет нам помехой. К тому же мы избежим опасности угодить под колеса какой-нибудь тачки.

— Копченая рыба, — проговорил Джиб, кладя один из своих узелков на тянущуюся вдоль стены пещеры полку, — и кое-что еще. А другой для отшельника.

— Я не видел его много лет, — сказал Плакси. — Вот, возьми стул. Я недавно обил его новой овечьей шкурой. Очень удобно.

Джиб сел на указанное место, а гном устроился напротив.

— Вообще-то, — признался Плакси, — я был у отшельника всего только раз, заглянул, так сказать, на огонек. Принес ему пару серебряных подсвечников и больше не ходил. Мне показалось, что я смутил его. Во всяком случае, ему было не по себе. Он, конечно, промолчал...

— Он добрый человек, — заметил Джиб.

— Мне не стоило этого делать. Понимаешь, прожив столько лет в краю людей, вдосталь наобщавшись с ними, начинаешь забывать о разнице между собой и человеком. Но для отшельника, да и для многих его сородичей я — осколок иного мира, к которому они не принадлежат и к которому в большинстве своем относятся с неприязнью и даже злобой. Я полагаю, не без основания. Целые эпохи люди и существа из моего мира жестоко воевали друг с другом, не ведая жалости и, сдается мне, частенько забывая о чести. Вот потому-то отшельник, который, как ты говоришь, добрейший из людей, и не знал, как ему себя со мной держать. Разумеется, он понимал, что я — существо безобидное и ничем не угрожаю ни ему самому, ни его сородичам, и все же беспокоился. Будь я, скажем, бесом или каким-нибудь демоном, он бы сразу сообразил, что делать. Святая вода, молитвы и все такое прочее. Но я же не бес, хотя и состою, с его точки зрения, в родстве с дьяволом. Словом, все эти годы я жалел, что навестил его.

— Но подсвечники он взял? — спросил Джиб.

— взял и поблагодарил меня. Он слишком хорошо воспитан, чтобы швырнуть их мне в лицо. А взамен подарил мне отрез расшитой золотом ткани. Наверно, ее оставил ему какой-нибудь гость из благородных. Откуда у отшельника деньги, чтобы купить такую роскошь? А меня долго мучила совесть: я все думал, что мне надо было отказаться от столь дорогого подарка. По правде говоря, я так до сих пор и не решил, что мне делать с этим отрезом. Я храню его в сундуке, время от времени вынимаю и люблюсь переливами красок — и все. Пожалуй, я мог бы обменять его на что-нибудь более полезное, но у меня не поднимается рука. Ведь отшельник подарил мне его от чистого сердца, а подарки не обменивают, особенно если твой подарок — от такого человека.

— По-моему, — сказал Джиб, — ты многое навоображал. Ну, я имею в виду смущение отшельника. Что касается меня, то я по отношению к тебе подобных чувств вовсе не испытываю. Впрочем, я, естественно, не человек.

— Ты гораздо ближе к людям, чем я, — возразил гном. — В том-то и может заключаться разница... Пойду за топором, — прибавил он, поднимаясь, — и принесу еще одну вещицу. — Он похлопал ладонью по узелку. — Спасибо. Однако мы помогли бы тебе и без него.

— Я давно хотел тебя спросить, — проговорил Джиб, — да все не мог набраться храбрости. Вы ведь ведете учет, так? Вам приносят подношения, а вы открываете кредит. Но те, кто приходит к вам — Народ Болот, Народ Холмов, да и многие из людей, — не умеют писать. А вы, получается, умеете?

— Я нет, — ответил гном. — Образованных среди нас можно пересчитать по пальцам. А вот гоблины, пожалуй, умеют, в особенности те, которые ошиваются в университете. Но торговать-то как-то надо, поэтому мы разработали собственную систему учета, которая, кстати говоря, вся построена на честности.

— Да, — подтвердил Джиб, — на честности и дотошности.

Плакси поднялся, направился в дальний конец пещеры и принялся рыться в сундуках. Вскоре он возвратился, держа топор с рукоятью из древесины гикори.

— Мне кажется, — сказал он, — балансировка в самый раз. Если нет, мы поправим.

— По-моему, все в полном порядке, — восхищенно проговорил Джиб. — А всякую мелочь я и сам поправлю. — Он потер пальцем сверкающую поверхность лезвия. — Прекрасно. Просто прекрасно. Если заботиться о нем, он прослужит мне всю жизнь.

— Тебе нравится? — спросил довольный Плакси.

— Не то слово! — воскликнул Джиб. — Я знал, что могу на вас положиться.

— Острие у него не затупится, если ты, конечно, не станешь рубить камни. Против камней не устоит никакой топор.

— Я буду осторожен. Он слишком хорош, чтобы плохо с ним обращаться.

— А теперь, — сказал гном, — посмотри-ка сюда.

Он сел и положил себе на колено какой-то предмет, завернутый в овечью шкуру. Движения его были исполнены чуть ли не благоговения. Когда с предмета сняли шкуру, он ярко засверкал. Джиб подался вперед:

— Меч!

— Человеческий меч, — сказал Плакси. — Для нас с тобой он чересчур длинный и тяжелый. Меч бойца. Видишь, ни тебе камней, ни других украшений. Честный клинок, такой же, как твой топор. За все то время, что я провел здесь, мы почти не ковали мечей. А среди тех, которые выковали, этот — лучший.

— Он особенный, — произнес Джиб, притрагиваясь к клинку, — из тех, которым дают имена. Знаешь, в старину люди часто называли свои клинки по именам, как лошадей.

— Мы нашли гнездо богатой руды, — продолжал Плакси, — извлекли его и припрятали для особых случаев. Таковую руду на пустыки не пускают. Она для специальных заказов, вроде этого клинка и твоего топора.

— Ты хочешь сказать, что мой топор...

— Они с мечом братья.

— Будем надеяться, — проговорил Джиб, — что меч попадет в достойные руки.

— Мы позаботимся, чтобы так оно и случилось, — отозвался Плакси.

— Я принес тебе старый топор, — сказал Джиб. — Он вполне надежен, но вот острие затупилось настолько, что его уже не наточить. Видишь, на нем нет и следа ржавчины. Я подумал, что он, может быть, вам пригодится. Мне за него ничего не нужно. — Он протянул топор гному.

— Хороший топор, — одобрил Плакси. — Твоего отца?

— Он отдал его мне, когда я строил свой плот, — сказал Джиб.

— Тоже наша работа. Хороший топор, но не такой хороший, как новый.

— Мой отец передает вам пожелания доброго здоровья. И мать тоже. Я сказал им, что собираюсь к вам.

— А вы неплохо живете у себя на болоте. Много лет. Если я не ошибаюсь, записей вы не ведете? Значит, ты не можешь подсчитать, сколько именно.

— Мы не умеем писать, — объяснил Джиб. — У нас бытуют только предания, что передаются от отца к сыну. Они, может, и правдивы — но насколько?

— Твой народ жил на болоте еще до того, как мы, гномы, заселили эти холмы. У нас тоже существуют предания, но, к сожалению, не о вас, а о тех, кто первым открыл здесь руду и построил рудник.

— Мне пора, — сказал Джиб, вскидывая на плечо узелок. — До пещеры отшельника путь неблизкий, а я хочу вернуться домой до темноты.

— Правильно, — кивнул Плакси. — В этом году что-то много развелось волков, никогда такого не было. Если припозднишься и решишь переночевать у нас, мы с радостью тебя примем.

ГЛАВА 6

Поначалу Джиб подумал, что отшельник куда-то ушел, что само по себе было бы достаточно странно. В последние годы, совсем одряхлев, отшельник покидал свою пещеру лишь затем, чтобы набрать кореньев, трав, листьев и коры, из которых готовил потом лекарства. Огонь в пещере не горел, и даже дымом не пахло; костер не разжигали уже давно. На грубом трехногом столике возле очага стояла тарелка с высохшим яичным желтком. Джиб взгляделся во мрак.

— Отшельник, — позвал он. Ему вдруг стало страшно, хотя он и сам не мог понять отчего. — Отшельник, ты тут?

Из угла донесся слабый звук, как будто пискнула мышь.

— Отшельник? — повторил Джиб.

Звук послышался снова. Джиб на цыпочках двинулся в угол.

— Я здесь, — пробормотал отшельник.

Его голос был тих, словно шелест листы. Глаза Джиба привыкли к темноте, и он различил скорчившуюся в углу пещеры фигуру и бледное лицо.

— Отшельник, что случилось?

Джиб нагнулся над человеком. Отшельник лежал, закутавшись до подбородка в одеяло.

— Нагнись пониже, — попросил он. — Мне трудно говорить.

— Ты заболел? — спросил Джиб.

— Я умираю, — произнес отшельник, едва шевельнув губами. — Слава Богу, что ты пришел.

— Тебе что-нибудь нужно? Вода? Суп? Я могу приготовить суп.

— Слушай, — выдавил человек, — молчи и слушай.

— Я слушаю.

— У стены стоит шкаф...

— Вижу.

— Ключ висит у меня на шее. На шнурке.

Джиб послушно протянул руку.

— Нет, подожди.

— Что?

— В шкафу... в шкафу... — Отшельник говорил с трудом. — Книга в кожаном переплете... И топорик... каменный топорик... Отнеси их епископу...

— Какому епископу?

— Епископу Башни. Вверх по реке на север, потом на запад. Спроси... Тебе покажут дорогу...

Джиб терпеливо ждал, но отшельник молчал и даже не пытался что-либо произнести. Джиб протянул руку, нащупал на шее отшельника шнурок, приподнял его голову и снял ключ. Потом опустил голову человека на подушку.

Он подождал, но отшельник не шевелился. Тогда Джиб встал, пересек пещеру, подошел к шкафу и отпер его. Книга в кожаном переплете лежала на полке, а рядом с ней находился топорик, подобного которому Джибу еще не доводилось видеть, — каменный, заостренный на одном конце и гладкий, как будто из металла. Лишь приглядевшись, можно было заметить следы зубила. Кроме того, в шкафу хранились бритва, ножницы, гребень и маленький фиал с голубова-

той жидкостью, наполовину пустой. Джиб взял топорик с книгой и закрыл шкаф.

— Ты взял их? — проговорил отшельник, глядя на него затуманенным взором. — Хорошо.

— Я отнесу их епископу.

— Ты Джиб. Ты бывал у меня раньше.

Джиб кивнул.

— Ты подождешь?

— Подожду. Что я могу сделать? Может, воды?

— Нет. — Отшельник едва заметно покачал головой.

Джиб встал на колени возле убогого ложа. Дыхание отшельника было таким слабым, что грудь его почти не поднималась, а промежутки между вздохами тянулись мучительно долго. Но все же время от времени воздух вырывался из ноздрей человека, и тогда волоски над верхней губой легонько вздрагивали.

— Я стар, — проговорил отшельник, вынырнув из забытья. — Я пережил себя.

Он снова погрузился в молчание. Дыхание его было по-прежнему слабым и неровным. Дважды Джибу казалось, что оно пресеклось окончательно, но оба раза он убеждался, что ошибся.

— Джиб?

— Да?

— Оставь меня здесь. Когда я умру, оставь меня здесь.

Джиб промолчал. В пещере вновь установилась тишина, нарушаемая лишь редким, прерывистым дыханием умирающего.

— Завали вход. Сделаешь?

— Да, сделаю.

— Я не хочу, чтобы волки... — Он не закончил фразу.

Джиб молча стоял на коленях у ложа. Какое-то время спустя он поднялся, подошел к выходу и выглянул наружу. Солнце миновало зенит и клонилось к западу. Пещера располагалась достаточно высоко, и из нее видна была та часть болота, которую он покинул сегодня утром. Еще бы чуть-чуть повыше, и он разглядел бы реку.

Джиб вернулся на свой пост. Он попробовал было предаться размышлениям, но обнаружил, что мысли разбегаются. Их было столько, что можно было запутаться. Голова у Джиба шла кругом. На несколько минут он совершенно забыл про отшельника, а когда посмотрел в его сторону, то увидел, что грудь человека больше не вздымается... Он подождал, думая, что снова ошибся. Однако время шло, а отшельник не подавал признаков жизни. Джиб прижался ухом к его груди: сердце не билось. Он приподнял веко: нет, теперь ошибки быть не могло.

СОДЕРЖАНИЕ

ПАЛОМНИЧЕСТВО В ВОЛШЕБСТВО	
<i>Перевод К. Королева</i>	5
БРАТСТВО ТАЛИСМАНА	
<i>Перевод К. Королева</i>	169
ПЛАНЕТА ШЕКСПИРА	
<i>Перевод О. Битова</i>	379
МИР-КЛАДБИЩЕ	
<i>Перевод К. Королева</i>	527
ИГРУШКА СУДЬБЫ	
<i>Перевод И. Русаковой</i>	659

КЛИФФОРД САЙМАК
БРАТСТВО ТАЛИСМАНА

Ответственный редактор Геннадий Корчагин
Художественный редактор Сергей Шикин
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Владимира Сергеева
Корректоры Наталья Бобкова, Анна Быстрова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 04.03.2021. Формат издания 70 × 100 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 67,08. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60

E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

